

РАЗВЕДКА

41го

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**ТЕНИ
ЮЖНЫХ СКАЛ**

**МОСКВА
2024**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Художник — *Борис Аджиев*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Тени южных скал / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Фронтовая раз-
ведка 41-го. Боевая проза Тамоникова).

ISBN 978-5-04-202083-4

На оккупированной немцами территории Крыма запланирована масштабная партизанская акция. Несколько групп должны одновременно взорвать коммуникации фашистов и тем самым помешать им собрать в кулак свои силы. Но в последний момент с одним из отрядов пропадает связь. Выяснить судьбу «замолчавшего» подразделения поручено опытному разведчику капитану Глебу Шубину. Он переходит линию фронта и сталкивается с девушками из пропавшего отряда, которые, как выясняется, тоже не знают, что произошло с их товарищами. Шубин организует расследование, результаты которого серьезно настораживают советское командование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202083-4

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

— Эй, люди! Выходите, свои! Э-ге-гей! — Гринька Ломакин, рядовой стрелковой роты, голосил во всё горло так, что его слова разносились по коротким деревенским улочкам. Шустрый парень с мосинкой на плече, перемазанный гарью от пороховых газов после нескольких часов атаки, колотил по забору, заглядывал за частокол, пытался высмотреть в темных окнах домов лица.

Пожилой солдат, что шел с краю строя красноармейцев, буркнул:

— Угомонись, Григорий. Если фрицы внутри засели? В подполье али на чердаке. Саданут шрапнелью по роже.

— Да какие фрицы, дядя Митя! — Нетерпеливый солдат кинулся к очередному дому. — Ты же сам их только что гнал три версты вперед, у них аж пятки сверкали. — Грязный сапог поддел валяющийся на дороге шлем. — Вот, шапки свои растеряли! Кому надо под котелок?

Идущий в конце строя офицер нахмурился:

— Рядовой Ломакин, вернуться в строй! Наступление не закончено, враг в опасной близости. Не терять бдительности.

Гринька оторвал недоуменный взгляд от очередного двора, кинулся поближе к ротному, молодому лейтенанту Осипчуку:

— Товарищ командир, а где все-то? Народ где?

Со всех сторон раздались смешки старших товарищей-пехотинцев:

— Ишь ты, Григорий, оркестр тебе, может, надоть?

— Ломакин, так и скажи, что высматриваешь девчат красивых вперед всех!

— Ты ж как черт грязный, Гришка, вот и разбежались от тебя подальше!

— Чего-о-о? — обиженно протянул Ломакин, одернул форму, покрытую слоем пыли, размазал рукавом по лицу пороховую черноту. — Мне бы только умыться — и буду настоящий воин! Победитель!

Его товарищи не смогли сдержать улыбки. Они действительно были победителями: в составе дивизии их рота только что освободила квадрат, который был долго оккупирован армией вермахта; бой шел долго, перестрелка началась с рассветом, а стихла лишь ближе к вечеру.

Враг долго сопротивлялся, но советские бойцы упрямо метр за метром шли вперед. Наконец, к вечеру офицеры вермахта дрогнули, перекрестный огонь стал одиночным, а потом и вовсе стих: немцы отступили. Победители вошли в деревню, рядом с которой шло многочасовое изматывающее столкновение.

Красноармейцы, едва живые от усталости, с черными пятнами гари на форме, грязными лицами, размеренно шли по улицам деревушки. Строй двигался без спешки, солдаты и офицеры были обессилены от жажды, голода, тяжелого наступления под вражескими пулями. Хотя всё же они переглядывались между собой, и неугомонный Гришка Ломакин вслух выразил общее недоумение: где все жители деревни?

В других освобожденных городках, поселках, аулах, часто разрушенных до руин, их мгновенно окружали местные. Люди благодарили, плакали, обнимали своих освободителей; каждый хотел прикоснуться к ним, чтобы удостовериться: это не сон, на оккупированную землю пришло освобождение от многолетнего кошмара войны. Солдат облепляли ребятишки, выскивая среди одинаковых фигур в грязной, окровавленной форме родное лицо отца, брата или деда; старики с тревогой расспрашивали о своих сыновьях, не видели ли их, не встречали ли

во время боев; женщины робко протягивали скудное угощение — последние зерна залежалой пшеницы, лепешки из смеси коры и картофельной кожуры. Встреча победителей была всегда радостной и в то же время грустной, полной боли за тех, кто не дожил до радостного дня такой долгожданной победы.

Только не в этом поселке... Их никто не встречал, не высматривал осторожно из-за заборов или через закопченные стекла окошек, кто же идет по дороге между добротных изб.

Командир не выдержал и остановил свой отряд:

— Стой, смирно! Тихо слишком, не нравится мне это. Надо проверить дома, вдруг там немцы засаду приготовили.

Бойцы послушно остановились, настороженно принялись озираться по сторонам, высматривая, нет ли кого во дворах или в избах. Если прав лейтенант, то торчат они всей ротой прямо под прицелами германских стрелков. Осипчук охрипшим голосом приказал:

— Объединяемся по два человека и обыскиваем каждый дом. Вперед! Оружие наготове!

Бойцы сняли по его приказу мосинки, ППШ с ремней, выставили стволы перед собой, чтобы быть готовыми ответить на атаку германских сил.

Пожилой Митяй вместе с живчиком Гришкой двинулись первыми к большому зданию, которое было раньше, скорее всего, местной школой либо Домом культуры с библиотекой: большая площадка перед крыльцом, широкие окна, добротная крыша и просторный вход. Опытный солдат остановил юношу, который кинулся со всех ног к крыльцу:

— Тише, Гринька. Не торопись, надо подобрать сбоку.

— Да, дядь Митяй, сейчас флаг на крыше воткну — и все повылезут! — Радостного рядового не пугала тишина в населенном пункте. Он служил совсем недавно и еще не выучил одного из главных правил фронта: тишина всегда означает, что скоро начнется атака, шквальный огонь или бомбардировка. Поэтому шустрый Гришка ринулся с флагом наперевес к большому дереву, что росло у стены здания. Он не обращал внимания на крики пожилого товарища:

— Куда ты, сдай назад, пострел! А если фриц с винтовкой!

— Не робей, дядь Митяй. — Один ловкий прыжок — и кирзовые сапоги застучали по железной крыше. — Нет здесь немцев, давно бы уже стрелять начали! Боятся местные, не поняли еще, что свои пришли! Увидят красный флаг и сразу выскочат!

Красное полотнище взметнулось на ветру, потянулось алым шелком над крышей. А Гринька закричал во все горло, приставив черные ладони ко рту, словно рупор:

— Э-ге-ге-гей! Люди-и-и! Выходи! Победа! Красная армия победила! Немцев нет! Победа!

Внезапно крик его оборвался на полуслове, юноша захрипел и ткнул пальцем куда-то вдаль.

— Чего там? Немцы? Уходи вниз!

Опытный Митяй схватился за автомат, вскинул ствол. Его товарищ уже скатился по крыше вниз, упал на бок, вскочил и тут же бросился бежать по улице к окраине деревни. Пожилой солдат заспешил за Гринькой, следом кинулся и лейтенант Осипчук. Стрелковая рота бежала всё быстрее и быстрее, не понимая, что там впереди увидел глазастый юноша.

А тот вдруг, не останавливаясь ни на секунду, сиганул в широкий овраг у дороги. Подоспевшие следом солдаты замерли в ужасе от картины под ногами. До самого верха ров был полон трупов: старики, женщины, прижимающие к себе детей, крошечные тельца ребятишек; трупы в обмотках громоздились друг на друге, торчали в разные стороны стылými конечностями; их одежда, кожа, земля на скатах оврага были покрыты потоками крови.

Гришка в общей могиле хватал за плечи мертвецов, тянул торчащие руки, пытался поднять тела наверх, растерянно бормоча:

— Как же? Они же теплые. Живые, живые, наверное. Ранило. Надо спасти, в госпиталь надо.

Его не останавливали, красноармейцы замерли, потрясенные жутким зрелищем. Немцы во время отступления расстреляли всех мирных жителей и скинули тела в ров, не пощадив никого.

Похороны убитых людей шли всю ночь. До кровавых мозолей солдаты копали могилы, осматривали тела, чтобы найти хоть какие-то документы и сделать надписи на памятной табличке. Гитлеровцы выгоняли людей из домов без одежды и обуви, не давая захватить с собой личные вещи, поэтому на широкой погребальной доске появилось лишь несколько цифр и слов: «8 февраля 1944 года здесь 482 жителя деревни Асеевки были зверски убиты немецкими извергами».

Когда страшная работа была закончена, солдаты никуда не ушли — они всё так же стояли у огромной братской могилы. Боль и ненависть к убийцам давили так, что бойцы позабыли об усталости и о голоде. Молодой лейтенант Осипчук выпрямился во весь рост, его разбух-

шие после многочасовой работы пальцы сжались в кулаки, голос хрипел от ярости:

— Солдаты, бойцы! Помните об этом кошмаре, когда будете идти в атаку. Каждый должен отомстить за этих невинных людей — убить такое же количество врагов! Ни шагу назад, пленных не брать, действовать без жалости и страха! Только месть, только смерть проклятым гитлеровцам!

ГЛАВА 1

Тяжелая трубка полевого телефона холодила ухо, генералу Йенеке казалось, что он прижимает к голове ледяной камень, от которого по затылку расплзается неприятное ощущение. И от голоса, который раздавался из черных крошечных дырочек, тоже пробегал озноб по коже. Эрвин Йенеке ждал этого разговора и в то же время боялся услышать знакомый резкий голос. Сам фюрер великого германского рейха, Адольф Гитлер, связался с ним, чтобы обсудить положение дел на Крымском плацдарме. Красная армия ежедневно теснила 17-ю полевую армию Гитлера, отвоевывала медленно, по километру оккупированную землю полуострова Крым, несмотря на мощную линию обороны. И Эрвин точно знал, что фюрера не устраивают почти ежедневные мелкие проигрыши. Южный фронт оставался последним оплотом могущественной армии вермахта, а после Сталинградского котла — единственной надеждой на воз-

вращение былой силы. Правда, сейчас эта надежда на захват преимущества в многолетнем противостоянии легла на плечи генерала тяжелым грузом. Ответственность давила, напоминала о том кошмаре, что он пережил под Сталинградом, где Йенеке получил ранение и откуда был поспешно эвакуирован.

— Мой фюрер.

Йенеке почувствовал, как в груди ширится колючий ком страха. Все генералы вермахта знали резкий нрав Гитлера и его внезапные перепады настроения. Иногда хватало одного неосторожного слова, чтобы Адольф Гитлер пришел в дикую ярость. Поэтому Эрвин произнес приветствие и замолчал, пытаясь понять, в каком настроении его вождь.

— Йенеке, — прозвенел высокий голос в ухе генерала. — Крымский мешок должен быть развязан! Я приказываю вам начать наступление, а не пятиться постоянно от Красной армии. Это же необразованные босяки без оружия и техники и без умения вести войну. Все их победы — случайность! К вам будет направлена танковая дивизия, а также силы люфтваффе, чтобы нанести одновременные встречные удары с Никопольского плацдарма и из Крыма. Вы будете командовать новой операцией, возглавите объединенный штаб! Я знаю, что вы преданы на-

шему делу, поэтому обязаны удержать плацдарм любой ценой. Адмирал Канарис доложил, что, по последним сведениям абвера, русские планируют использовать полуостров как аэродром для своих бомбардировщиков. Вы понимаете, что это значит, Йенеке?

Генерал осторожно предположил:

— Советские самолеты смогут с полуострова атаковать нефтяную базу в Румынии?

— Вы инженер, генерал Йенеке, и понимаете, что это станет катастрофой для нашей техники и армии. Техника — это наша сила! Величие Германии — в наших танках, машинах, артиллерии!.. Что вы молчите, Йенеке, вы не согласны со мной?! — В голосе Адольфа Гитлера усилились визгливые нотки — признак начинающегося приступа ярости.

— Конечно, мой фюрер, вы абсолютно правы! — Йенеке прикрыл глаза и медленно, будто во сне, проговорил то, что вынашивал уже десятки дней. Ему было безумно страшно высказывать вслух мысли, которые мучили его уже которую ночь. И он даже подозревал, что Гитлер не прислушается к его словам, но ради собственной жизни надо попытаться остановить этот ад. — Я инженер, и я генерал вермахта, я часть вашей армии, мой фюрер. И, как командующий Южным фронтом, настаиваю на эва-